Антон Мурзаков

Благодарность за кражу

Антон Мурзаков

Благодарность за кражу

«Автор»
2026

Мурзаков А.

Благодарность за кражу / А. Мурзаков — «Автор», 2026

Иногда прошлое возвращается без предупреждения, нарушая привычный ход вещей. Она — успешная женщина из столицы, чья жизнь давно расписана по линейке регламентов. Он — житель провинции, выбравший тишину, уединение и покой. Случайная встреча в тихом осеннем городе N. дарит им всего три вечера. Три дня, чтобы сбросить взрослую броню, выйти за рамки привычных ролей и совершить отчаянную кражу у времени.Он — Хранитель. Тот, кто годами бережно сберегал память об их общей юности, не требуя ничего взамен. Тот, кто способен принять её настоящую, согреть в моменты уязвимости и отпустить, защищая её выверенный мир. Это меланхоличная, глубокая и невероятно атмосферная история о цене воспоминаний, хрупкости настоящего и о том, как трудно порой удержать то, что принадлежит тебе по праву памяти. Пронзительная проза для тех, кто ценит осязаемое настроение и живые чувства.

© Мурзаков А., 2026
© Автор, 2026

Благодарность за кражу

Обычный октябрьский день уже клонился к вечеру. За окном панельного дома в большом провинциальном городе N. солнце висело низко, заливая сухой асфальт мягким золотистым светом. Конец октября в этом году выдался на редкость тёплым и сухим, затянувшим погожие дни, и в кухне стояла та неподвижная тишина, которую лишь глубже подчёркивало ровное гудение старого холодильника да мерное чавканье у порога кухни — старая кошка Спиридоша лениво доедала свой ужин.

Телефон на чистом кухонном столе вдруг зашёлся резким металлическим дребезгом — из динамика плотно и чисто полетел цифровой припев старого хита «Электронного мальчика». Этот рингтон «Девушка с Урала» стоял у него на звонке столько лет, что он перестал его замечать, но сейчас трек словно ударил по ушам… Он даже не пошевелился. Принцип был простой: незнакомые номера для него не существовали. Аппарат пропел всю свою жёсткую мелодию, смолк и тут же заиграл снова, опять затягивая тот же зацикленный проигрыш. Он медленно потянулся к кружке; пальцы ощутили едва тёплую керамику — чай совсем остыл, подёрнулся тонкой матовой плёнкой. Глаз от мигающего экрана он не сводил. Третий звонок. Четвёртый. На пятом надрывном повторе телефон вдруг резко оборвался, и экран коротко мигнул, выбрасывая белую полосу сообщения.

«Это Я. Сейчас позвоню. Возьми трубку».

«Кто, Я?» — набрал он в ответ, чувствуя, как неслушающиеся, сухие подушечки пальцев цепляются за шероховатые царапины старого экрана.

«Ну, та, у которой в гостях тебя недокипячённым чаем напоили».

Сердце, отвыкшее от таких фокусов, тяжело споткнулось, пропустило удар и горячим куском ухнуло в живот. Бог ты мой. Она. Голос из той жизни, которую давно заколотили досками и засыпали землёй. Много, много лет назад — когда ему было восемнадцать, а ей шестнадцать.

Догореть этой мысли телефон не дал — он снова зашёлся в руке мелкой дрожью, выплескивая ту же мелодию. Палец сам, опережая тяжёлую, неповоротливую мысль, придавил зелёный кружок.

— Да, — выдохнул он в трубку. Голос вышел чужим, хриплым, будто забитым пылью.

— Я, — отозвалось на том конце без всякого вопроса, ровно, с той пугающей уверенностью, от которой когда-то перехватывало дыхание. — Узнал?

— Откуда у тебя мой номер? — спросил он, минуя ненужные теперь приветствия.

— У общих знакомых взяла. Я в городе N. В командировке, дня на три-четыре. Знаю, что ты один. Скверик у гостиницы «Заря». Подойдёшь? Покажешь мне город.

Она по привычке не оставляла пауз, сыпала короткими, рублеными фразами, точно заколачивала колышки, ставя перед фактом.

— Подъеду, — сказал он.

— Через час, — бросила трубка и отозвалась короткими, пустыми гудками.

Он сидел ещё с минуту, глядя на светлеющий экран, оставляющий кухню в привычном покое. Потом тяжело поднялся. Натянул привычный панцирь, в котором изо дня в день ходил по этому городу, — жёсткую чёрную куртку, нахлобучил чёрную кепку, застегнул чёрные джинсы. На секунду замер перед плитой, поймав своё отражение в тёмном стекле духовки. Из темноты на него смотрел смутный чёрный силуэт. Старая, въевшаяся в подкорку привычка человека, привыкшего ничем не выделяться и сливаться с глухими углами.

В сквер он пришёл на пять минут раньше срока. Было ещё совершенно светло, косые предвечерние лучи пронизывали аллею насквозь. Земля под ногами была твёрдой, пересохшей, без привычной осенней грязи. Воздух стоял неподвижный, прозрачный и тёплый, пахнущий пылью и хрупкой опавшей листвой. Он встал под чёрную, совершенно голую ветку старой

липы. Опустил глаза, машинально потёр пыльный мысок одного ботинка о штанину, потом второго — дурацкая, мальчишеская привычка наводить лоск в последнюю секунду, — засунул руки поглубже в карманы куртки и замер.

Мягкий, почти невесомый хлопок по плечу.

— Привет. Это я.

Он резко развернулся.

Белая куртка, белая вязаная шапка. Из-под кромки выбились несколько русых прядей. И глаза — огромные, голубые, в точности как то редкое, пронзительно-холодное октябрьское небо, которое бывает перед первыми заморозками.

Она стояла совсем близко. В ясном предвечернем свете было видно, как изменилось её лицо — время положило лёгкие тени у губ, но сквозь эту новую, дорогую и ухоженную красоту сорокапятилетней женщины упрямо проглядывала всё та же девчонка, которую он помнил до каждой родинки на лице и шее. Та, которая умела держать оборону против возраста.

Она качнулась навстречу. Он сделал шаг тоже — сработал древний, чистый, животный импульс, заставивший сорваться с места, чтобы убрать этот дурацкий промежуток между ними, уткнуться лицом в воротник, поймать забытый запах её волос. Он слишком долго — целую жизнь — носил в себе этот запретный, ненаступивший жест. Они потянулись друг к другу одновременно.

И резко, словно наткнувшись на стеклянную стену, замерли. Порыв мгновенно осёкся.

Руки так и остались висеть в тёплом воздухе — нелепые, полусогнутые в локтях, похожие на глухую боксёрскую защиту. Они неподвижно смотрели друг на друга сквозь этот плотный, почти осязаемый барьер в несколько сантиметров. Память упрямо подсовывала ему тень огромного деревенского вяза, под которым он когда-то замирал от одного её взгляда, зная, что не имеет права коснуться. Но сейчас тело сорокасемилетнего мужчины, привыкшего к одиночеству и чёрной глухой одежде, напрочь заклинило. Оно не знало, как подступиться к этой сорокапятилетней женщине, ставшей крупным, властным чиновником из федерального центра. Как обнять ту, которая никогда ему не принадлежала, а теперь и вовсе оказалась призраком из плоти, пахнущим дорогим парфюмом?

Секунда разбухла и застыла. В безжалостном дневном свете он разглядел каждую крошечную морщинку в уголках её синих глаз. Она видела, как до белизны натянулась кожа на его костяшках, судорожно вцепившихся в жёсткую ткань собственной куртки.

В тишине аллеи безветрие казалось неестественным, тяжёлым, словно затишье перед бурей. Они одновременно, словно подчиняясь беззвучной команде, опустили онемевшие руки. Растерянно, с глухим чувством вины прижали их к бокам.

Пауза повисла над аллеей — густая, липкая, неловкая. Было слышно только, как далеко на проспекте надсадно, безнадёжно сигналит застрявшая машина.

Она первая стронула это звенящее молчание. Не голосом — движением.

Чуть склонила голову набок и едва заметно, одним движением подбородка указала в сторону тёмной аллеи, уходящей вглубь притихшего сквера. Короткий приказ: «Веди».

Он тяжело сглотнул сухой ком, застрявший в горле, откашлялся и развернул плечи навстречу длинным вечерним теням.

— Пойдём, — уронил он в сухой воздух. — Покажу тебе город.

Они шагнули с залитого солнцем пятачка у входа и свернули за угол гостиничного корпуса, где тянулась парковочная зона. Шум проспекта мгновенно срезало, заглушило плотной стеной старых лип.

— Я сейчас, — негромко сказала она, останавливаясь.

В тишине коротко и хищно вякнул зуммер электронной сигнализации. Вспыхнули и погасли габариты припаркованного у бордюра тяжёлого, престижного немецкого автомобиля — его лакированный бок тускло мазнул по глазам дорогим блеском. Обычные питерские

номера выдавали в ней гостью из северной столицы, приехавшую издалека на своём ходу. Она подошла, потянула ручку, дверца бесшумно открылась, пустив наружу тонкий запах хорошей кожи. Она наклонилась к сиденью, достала перчатки и мягко захлопнула дверь. Снова щёлкнул замок. Она обернулась к нему, натягивая тонкую кожу на пальцы. Под ногами резко захрустел гравий.

***

Солнце опускалось всё ниже, и золотой свет упал на её белую куртку, отчего фигура её на миг показалась летящей, в то время как его чёрная одежда впитывала это тепло без остатка, растворяя его в себе. На долю секунды почудилось, будто она, лёгкая, богатая и чужая, просто плывёт над этой остывающей октябрьской землёй, а он следует за ней — тяжёлой, безмолвной и покорной тенью.

Они вышли на улочки старого города. Они шли рядом, не касаясь друг друга. Никаких рук, никаких нелепых объяснений тридцать лет спустя. Между ними оставалась полоса пустоты — плотной, давящей, почти осязаемой. Её тонкие пальцы в чёрной лайковой коже покачивались в такт шагам совсем близко от его сухой, огрубевшей ладони. Тонкая кожа перчатки на мгновение обдала его пальцы сухим человеческим теплом. От этого мимолётного, так и не случившегося касания оба они синхронно, словно споткнувшись, замедлили шаг.

Они свернули во дворы, и шум проспекта сразу срезало блекло-розовой аркой двухэтажного квартала. Время здесь текло по своим, старым правилам, хлопая натянутым между тополями высыхающим бельём. У крайнего подъезда, на огромном берёзовом чурбаке, мужчина в рабочей куртке методично и глухо рубил топором мясо. Рубанув в очередной раз, он подцепил пальцами скользкую кость и не глядя швырнул её в сторону — бродячему псу с надорванным ухом и с тускло алеющим пластиковым чипом, что преданно и жадно караулил у крыльца. Пёс на лету перехватил зубами добычу и, прижав хвост, припустил вглубь двора, за покосившиеся деревянные сарайчики, где старожилы годами копили хлам.

Чуть поодаль, в глубине палисадника, упрямо скрипели старые одиночные качели советского образца с потёртыми коричневыми стойками. Мальчик в яркой салатовой шапке стоял напротив, держался за железные поручни и аккуратно, совсем несильно раскачивал сидящую на деревяшке девочку.

Через два дома, в густой тени запущенных кустов сирени, топтались трое — помятые, серые и трясущиеся от жажды маргиналы. Один из них, с заросшим щетиной лицом, сделал шаг наперерез и вежливо, почти изысканно приподнял воображаемую кепку:

— Простите любезно… — Он замер, переводя взгляд на её белую куртку. — Мадам, можно вашего спутника на одну минутку?

Она ехидно поинтересовалась:

— Бить не будете?

— Мадам, как можно! — Алкаш прижал огрубевшую ладонь к засаленному вороту куртки.

— Боже, как интеллигентно, — негромко обронила она. — Прямо как у нас.

Мужчины отошли в сторону, к глухой стене. Короткий шепот, кивок. Он полез в карман, выудил сложенную пополам хрустящую бумажку и переложил в протянутую лодочкой ладонь. Маргинал просиял, отступил на шаг и отвесил глубокий, почти придворный поклон:

— Спасибо, братан! И вам, сударыня. — И уже вслед, прижав руку к сердцу, выдохнул со всей силой: — От души!

Они двинулись дальше по разбитому асфальту.

— Зачем? — негромко спросила она, глядя вперёд.

— В таких случаях надо дать. — Он понимающе усмехнулся.

Шаги их снова стали ленивыми, размеренными, уводящими вглубь этого сонного, нагретого за день тупика. Из открытых форточек первых этажей, сидевших почти вровень с землёй, в октябрьский воздух густо несло сытным, родным запахом жареной картошки с грибами, а на широком деревянном подоконнике, прямо за стеклом, лениво щурились на уходящее солнце две крупные кошки. Вокруг шла самая обычная, настоящая жизнь, которой до них двоих не было никакого дела.

Поймав старый, скрипучий троллейбус, они молча поднялись на подножку. Пока ехали три остановки до парка, за немытыми, дребезжащими стёклами начал плавиться день. Солнце садилось за крыши, рассекая улицы длинными, резкими тенями, и салон изнутри заливало густым, тревожным золотом.

В кармане её белой куртки коротко пискнул телефон. Она чуть отодвинулась к мутному, дрожащему стеклу, прижала плечом трубку к уху.

— Да, зайчик… Нет, я уже еду. Просто смотрю в окошко…

Из трубки вдруг донёсся громкий, заливистый собачий лай. Женщина слегка улыбнулась и торопливо добавила:

— Смотри за братом, чтобы он Анорика не дразнил и булочками не кормил. Скоро позвоню.

Повернулась к нему. В тёплом воздухе троллейбуса ещё секунду висел отголосок чужого вечернего покоя. Он сидел неподвижно, уставившись в тёмное, дребезжащее стекло, глубоко засунув руки в карманы куртки. Пальцы сжались так, что короткие ногти до боли впились в ладони — эти чужие детские имена и домашний лай в трубке разом превратили его тридцатилетний покой в пустоту.

Она подняла глаза и наткнулась на его взгляд — неприкрытый, полный такой грусти по упущенному, что изнутри мгновенно обожгло острой, внезапной жалостью. Смотрела на чёрный профиль, на его огрубевшую, словно окаменевшую фигуру, и вдруг с пронзительной ясностью поняла — из него бы получился прекрасный отец. От этой мысли ей стало физически больно.

В овощном ларьке он задержался на минуту и купил крупную, тугую морковь — специально для парковых белок. Он делал это машинально, привычно: кормление животных было частью его ежедневного ритуала, таким же естественным, как кофе по утрам или проверка замков перед сном.

В самом парке, среди вековых, узловатых сосен, они наткнулись на странную, почти мистическую картину: живая, пушистая рыжая белочка возилась и прыгала прямо по крошечному бронзовому памятнику белочке, установленному на аллее. Живое играло со своим застывшим двойником. Он протянул на ладони кусок моркови, и зверёк, на секунду замерев, перехватил угощение маленькими цепкими лапками. Она смотрела на эту сцену с лёгкой улыбкой, в которой смешались удивление и грусть.

Чуть дальше, у растрескавшегося бетона заброшенной танцплощадки, к ним лениво вышла чёрная уличная кошка с дымчатым отливом и светлыми отметинами на мордочке. Он не удивился. Расстегнув молнию своей потёртой сумки, покопался среди ключей и квитанций и достал небольшой фольгированный пакетик жидкого кошачьего корма. В воздухе запахло дешёвой едой с лёгким, странным оттенком ванили — запахом его повседневной жизни, которую она никогда не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.